

ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

УДК 130.3

«БАНАЛЬНОСТЬ И ПРОЗРАЧНОСТЬ ЗЛА» ВИРТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Е.В. Бакиштова*

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»,

г. Самара, Россия

E-mail: bakshutka@gmail.com

***Аннотация.** Автор вводит обсуждение проблематики дискуссий в социальных сетях (русскоязычный сектор Facebook): речевого насилия и агрессии – в философский и этический контекст. Для этого используются такие концепты, как «банальность зла» (неразличение за его обыденностью других людей и обратной связи от них); «прозрачность зла» (превращение Другого в симулякр, отсутствующего Другого); «волки» и «овцы» (акторы одного и другого видов зла). Мы утверждаем, что для «овец» характерно зло банальное, для «волков» – прозрачное. «Волки» создают зло осознанно и умышленно, прививая «овцам» мысль о том, что зло – совсем не зло. Участники сетевых дискуссий, инициаторы и комментаторы, также распределяются на эти группы: одни из них начинают дискуссии, запуская агрессивные послания, а другие не столько обсуждают предложенную тему, сколько агрессивно реагируют на них. Опасность порождаемого зла – в травливании людей друг с другом, в инициации взаимной ненависти и общего отчуждения.*

***Ключевые слова:** банальность зла, прозрачность зла, речевое насилие, речевая агрессия, сетевые дискуссии.*

***Благодарности:** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00171 А. Автор признателен за консультации и помощь в подготовке рецензентам и редакции журнала «Вестник СамГТУ. Философия».*

Постановка проблемы

Тема зла неисчерпаема и, пожалуй, более привлекательна для анализа, чем тема добра. Понимание этих этических категорий относительно в разных культурах: это отражается даже в поговорках и пословицах, в высказываниях мыслителей, сборниках цитат: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [13, с. 78]. Но именно эта относительность делает категории добра и зла объективными, так как они в каждую эпоху – продукт коллективного разума, обеспечивающего этический гомеостаз общества.

---

* БАКИШТОВА Екатерина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»

Феноменология добра описывается через категории добродетели, морали, разумности, блага, пользы («добро – это как будто превосходная степень пользы, это как будто очень полезная польза» [13, с. 79], – писал Н.Г. Чернышевский), совести и др.; зла – через категории греха, порока, вредности, насилия, агрессии. Многими подчеркивается, что зло есть обратная сторона добра, а избыточность добра сама становится злом. Мы попробуем обратиться к таким концептам, как «банальность зла» и «прозрачность зла», появившимся в XX веке для описания «новой» феноменологии зла – зла массового и безликого, в контексте уже XXI века, требующего индивидуальных решений и ответственности даже в условиях массовой коммуникации в социальных сетях.

Банальность и прозрачность зла

Впервые обозначив проблему зла как радикального, Х. Арендт приходит к идее банальности зла через анализ мышления, воления и суждения. Анализируя жизнь Эйхмана и описывая его поведение на суде, Х. Арендт отмечает, что, помимо весьма распространенного «греха» бахвальства, в характере «героя» «присутствовал еще один более серьезный и имеющий большие для него последствия недостаток: полная неспособность взглянуть на что бы то ни было чужими глазами» [1, с. 80]. Для нас это весьма важная мысль, и далее при анализе виртуальных коммуникаций мы к ней вернемся, поскольку анонимность последних также проявляет эту неспособность к получению обратной связи и проявлению эмпатии.

Теперь есть возможность эксплицировать новый тип злодея, отличающегося от классического, совершающего зло осознанно. Банального злодея характеризуют «отсутствие критического мышления, в частности, критики своих собственных поступков, эмпатии; неспособность посмотреть на любую ситуацию глазами другого, а также почувствовать и признать свою вину... забывчивость, позволяющая не вспоминать совершенные преступления, а также показывающая степень безответственности за совершенные преступления» [11, с. 9]. Если злодей классический идет против существующего порядка, то злодей банальный – поддерживает социальный порядок. Причина этого видится Х. Арендт в тоталитаризме, который не оставляет людям выбора – либо ты работаешь на систему/в системе, либо лишаешься социальных ресурсов. Когда есть единая норма, вне которой – опасная и безрадостная маргинальность, с людьми можно делать практически все что угодно. «Обыденное зло невероятно эффективно» [6].

Распространяется ли этот психологический портрет на пользователей социальных сетей, попробуем рассмотреть дальше.

И теперь обратимся к идеям совершенно другого мыслителя, жившего в мире, в котором распалось все, было заменено симулякрами всего. Ж. Бодрийяр активно использует термины «ад», «грех», «зло», однако напрямую он не поясняет, что такое «прозрачность зла», описывая его, скорее, че-

рез противоположность – непрозрачность, ибо сеть симулякров – иллюзия прозрачности. Очевидность не очевидна: «Добро не располагается более по ту сторону зла, ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат» [3, с. 53]. Но здесь для нас важно следующее: коммуникативное изобилие порождает иллюзии контакта, а также желание «нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление» [3, с. 53]. Отрицая отличия, отрицая Другого, отрицая отчужденность, мы включаемся в процесс саморазрушения – прозрачность зла в этом. «Отныне абсолютную угрозу несет в себе прозрачность того, что воспринимается нами как Другой. Коль скоро Другой, как зеркало, как отражающая поверхность, исчез, самосознанию угрожает иррадиация в пустоте» [3, с. 53].

Именно это понимание Другого как сохраняющего нашу целостность и осмысленность сближает позиции классического (Х. Арендт) и постнеклассического (Ж. Бодрийяр) мыслителей, тем более что сам Ж. Бодрийяр считал себя человеком эпохи Просвещения: от критики всего традиционного он пришел к осознанию ценности этого традиционного: науки, мысли, секса, болезней, тела – всего, что в информационном обществе становится неустойчивым.

Речевая агрессия и насилие как формы зла

Наиболее очевидным проявлением зла выступают агрессия и насилие. Произнося слово «агрессия», мы неминуемо обращаемся к нашей «животной душе», к абсолютно необходимому для видосохранения эволюционному наследию. Однако мы не можем сказать, что один волк злится на другого волка или на зайца: «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать». Поведение животных не имеет субъективной оценки. К тому же, если заяц оказался более ловким и убежал, то волк не станет переживать и рефлексировать, что другие волки (или еще и медведи) станут над ним смеяться. У человека много оценки и много эмоций, из которых демонстрировать предлагается только позитивные. По справедливому замечанию А.П. Назаретяна, «дефицит тех или иных «негативных» эмоций побуждает к внешне бессмысленным действиям, нацеленным на их актуализацию» [12, с. 164].

Большим психологическим словарем агрессия определяется как нечто совершенно противоположное агрессии в животном мире, как «мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.)» [4, с. 22], то есть как осознанное поведение. Однако согласимся с Т.В. Шипуновой, которая в проблемном поле агрессии и насилия выделяет три вида социальных интеракций: 1) неявное (или неочевидное) и нерефлексируемое насильственное деяние («педагогическое», «социализационное», «информационное», «само-

званческое», «равнодушное» – «полезное» психологическое насилие, призванное улучшить поведение человека; 2) проявление агрессии, предшествующей и предопределяющей последующее насильственное деяние – связанное с собственно насильственными преступлениями; 3) «имитация (или демонстрация) агрессии без последующего очевидного насильственного деяния, которая создает фон для развертывания интеракции между людьми и определяет характер их взаимоотношений» [17, с. 68]. В качестве иллюстрации «неочевидного» насилия Т.В. Шипунова приводит пример с поведением девиантных / делинквентных детей, которые оценивают собственное поведение не как агрессивное и насильственное, а как защитное – от провокаций добропорядочных граждан, самовозвышающихся за счет неблагополучной группы. Подобно тому как «поколение Эйхмана» поддерживало социальный порядок, не рефлексируя над последствиями собственных действий, и мы невольно участвуем в осуществлении межличностного и социального насилия, незаметно для себя выражая эмоции, унижающие других людей.

Для современного человека зло сопряжено с технологическим развитием, хотя, например, А.П. Назаретян считает иллюзией наше представление о растущем насилии, но он отмечает, что «с развитием технологий необычайно повысилась социальная цена насилия» [12, с. 158].

Многим известна история иракского художника Вафаа Билала, который в 2007 году предложил всем желающим расстрелять его из пейнтбольного ружья, но по Интернету. Эта акция была ответом на смерть брата художника, погибшего в Ираке от «руки» дрона, управляемого пилотом из Колорадо. Пользователям надо было «залогиниться», прицелиться и сделать любое количество выстрелов. В комнате Билал пробыл тридцать дней. За это время ружье выстрелило около шестидесяти тысяч раз, это примерно раз в сорок пять секунд, круглосуточно. Стрельба велась из 138 стран, и одновременно в чат сыпались издевки, кто-то написал: «Смерть террористу» [8]. Как пишет Р. Сапольски, «харизматичные негодяи с помощью Интернета могут вдохновить тысячи людей, а не жалкий десяток бездельников на деревенской площади» [14, с. 548]. Однако взаимное вредоносное воздействие пользователи Интернета наносят себе, не столько поддерживая террористов, сколько проявляя вербальный экстремизм, «неочевидное» насилие по отношению друг к другу. Управляемое технологиями насилие не воспринимается как насилие, потому что управляемые технологиями люди не воспринимаются как люди – большинство стреляли только потому, что Интернет обеспечил эмоциональную дистанцию [8, с. 97]. Анонимность искушает примерить на себя жестокость, зная, что за это ничего не будет [8, с. 99]. В зарубежных публикациях проблема виртуального насилия рассматривается, скорее, в социальных прикладных аспектах, опираясь на конкретную проблематику, в первую очередь, в отношении меньшинств – этнических, политических, сексуальных, религиозных [18], [20], а также персонализированного насилия – «кибер-преследования через электронные свидания, насилие между сверстниками, включая стрельбу в школах и

кибер-самоубийства» [22, с. 213], в том числе, юридические аспекты [20], [23], проблемы психического здоровья молодежи, активно взаимодействующей посредством социальных медиа [19], [21] и их агрессии.

Речевая агрессия в Интернете – одно из проявлений насилия, «злокачественная агрессия», которую Э. Фромм определяет как деструктивность и жестокость, и она – предмет пристального внимания исследователей в последнее десятилетие.

Проявление в речи или в текстах агрессии, осуществление насилия при помощи слов оценивается в лингвистической литературе неоднозначно. С одной стороны, речевая агрессия во всех ее проявлениях оценивается как нечто нежелательное, с другой – речевая (вербальная) агрессия рассматривается либо как вполне приемлемое речевое действие, способствующее эмоциональной разрядке (катарсис) [7, с. 35–43], либо как проявление «пробивных» стратегий в деловой коммуникации [5, с. 82]. Лингвисты описывают различные стратегии и тактики речевой агрессии. Например, Г.В. Кусов обозначает следующие: 1) диффамация – публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) вербальная дискриминация – выражение в речи своего отличия и превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным признакам; 3) вербальная дискредитация – подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) вербальная инсинуация – создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо [10, с. 24]. Е.Н. Егорова описывает тактики, которые может использовать воздействующий: обвинение, разоблачение, обнародование негативных фактов, оскорбление («бросать тень на кого-либо»), намек, драматизация, ирония (насмешки, издевки), игнорирование личности, перебивание, компрометация, угроза, хамство [9, с. 71]. И, наконец, Т.И. Стеклова отмечает способы, которыми агрессия реализуется: ты-номинация, негативная номинация адресатов, использование негативно окрашенной просторечной лексики, оценочные высказывания [15, с. 79–80]. В наших исследованиях были выявлены лингвопсихологические маркеры агрессии: оскорбления, враждебность, угрозы, газлайтинг, троллинг (критиканство) [2].

Рассмотрим некоторые фрагменты дискуссий в социальной сети Facebook. Одной из болезненных тем, обсуждаемых в социальных сетях, остается проблема отношений русских и украинцев – и на уровне политики, и на уровне личностного отношения, где и проявляется бессмысленность и агрессивность речевого поведения. Приведем пример диалога из дискуссии, которая была начата 4 июня 2018 г. в проукраинском сообществе «Политпорно». Автор публикации задается вопросом: «Я украинец, хозяин ли я в своей стране», получает 127 комментариев*:

---

* В цитируемых материалах сохранена авторская орфография.

«Равиль: Потому что такие псевдо украинцы зовут в Украину московских колонизаторов. Кстати Донбасс был заселён москалями после голодомора, устроенного также москалями. Потомки держиморд НКВД украинцами не считаются.

Борис: Алексей, вас ватанов не поймешь – то один народ, то разные. Ватой шевелить неудобно?

Александар Пушкин: Наталья! Вы все, Окраинцы, сами, вчерашние СОВКИ- укроватные (УССР), а сегодня перекарасились в фашистов. И, чем ты восхищаешься, своими куриными мозгами.

Другой пример: 3 августа 2019 г. в группе «Усы Пескова». Стимульным материалом послужило видео об избиении велосипедиста представителем силовых структур. Публикация набрала 1200 комментариев, которые совсем необязательно относятся к предмету обсуждения – участники дискуссии часто отвлекаются или переходят на личности:

«Olga: Pavlo Vovk, да, стыдно за соотечественников. А ведь надо учиться у вас, украинцев, волеизъявлению, стремлению к правде, свободе. Думаю, у вас точно всё будет о'кей! У нас много д...ов, особенно старшего поколения.

Philip: Pavlo Vovk, ты б лучше следил как стремительно растёт демократия и благосостояние в Украине, а не заглядывал в чужую страну с какими-то дворовыми коментами, типа нас побили, мы пришли шоблой. у тебя в стране совершенно не сахар. или посмотри на youtube как разгоняют толпы в штатах и Европе. не всё так однозначно.

Али: С армяней надо пример брать.

Pavlo: Александр Чубаров, вот поэтому сидите дома. Не было команды сверху выходить. Сидите и смотрите первый канал :) в стойле».

В дискуссиях не просто не соблюдается этика (крайне сложно выбрать хотя бы несколько комментариев без ненормативной лексики и оскорблений), в неконтролируемых высказываниях весьма эмоционально проявляется агрессия, а вот содержательная информация попросту отсутствует, все аргументы в стиле «одна баба сказала». Агрессия участников дискуссий распространяется сразу в нескольких направлениях. Например, на стимульный материал, как в публикациях: «Газаев пожелал Путину здоровья от Николая чудотворца» (группа «Политпорно», 7 июня 2018 г.), «Мы двигаемся в сторону устойчивого белого света» (группа «Ёшкин крот», 7 июня 2018 г.), «Гадок («Демократия – это когда всё решают за вас» объясняет пропагандист Дмитрий Киселев)» (группа «МБХ Медиа», 10 августа 2018 г.), «Киселев. По зомбоящику показывают, как плохо живут хохлы» (группа «Русские», 1 августа 2019 г.), «Крымский мост сегодня» («Наш выбор В.В. Путин», 14 августа 2019 г.), «Ролик про пенсионеров, которые за Путина» (Штаб патриотических сил Москвы, сторонники Грудинина П.Н., 9 августа 2020). Объект нападок: власть, президент, олигархи, полиция, чиновники, реформа медицины и здравоохранения, американцы, украинцы, русские, русофобы и, конечно, журналисты – на этом не исчерпывается.

В группе «Александр Невзоров» 13 августа 2020 г. размещена републикация с портала «Настоящее время»* «Телеведущая «России 1» Ольга Скабеева похвалила белорусских силовиков за работающую «тактику» во время жесткого разгона протестующих». Статья начинается словами: «Ведущая телеканала «Россия 1» Ольга Скабеева в эфире программы «60 минут» похвалила за работающую «тактику» белорусских силовиков, которые, по ее словам, пресекли протесты “практически за три дня”». Она вызвала 481 комментарий, половину из которых цитировать невозможно, так как это в основном отдельные слова, представляющие собой обценную лексику. Кроме того, дискуссия содержит такие эпитеты: «тварь» – 30 раз, «сука» – 27, «мразь» – 23, «дура» – 13. Также есть менее популярные – «животное», «гадюка», «сливной бачок», «мерзота» и т.п., и 1 раз встречается слово «умница», но поскольку комментарий состоит из одного этого слова, то коннотация непонятна. Из более развернутых комментариев: «Почему-то меня никто не заставляет, хотя не скрою, предложение работать на политические партии у меня были. Это выбор её и только Её». «Сломана схема мозга, предохранитель хитрый монтер заменил на жучок»; «За ее гонорар ... 95 % населения страны и не то бы сказало!». К комментариям, которые можно охарактеризовать как жестокость и насилие, можно отнести: «Оставить жить до того дня, когда ей придется благодарить ласковый российский ОМОН за избивание ее собственных детей, которые выйдут на протест против своей рабской жизни за железным занавесом»; «я все же надеюсь, что у неё найдут рак легких, прости меня господи». Столь же агрессивно участники дискуссий обсуждают любые происходящие по инициативе С.С. Собянина события (в первую очередь – укладка плитки) в Москве, выступления Д. Киселева – в таких случаях разногласия редко встречаются. В тех дискуссиях, где задается проблематика, связанная с политикой, межкультурным взаимодействием, реформами и другими темами, по которым нет однозначных мнений, то агрессия переходит во взаимное «уничтожение» коммуникаторов. Приведенные коммуникативные эпизоды – пример того, что зло стало не только обыденным, но и прозрачным – включаясь в дискуссию и не выбирая средств для выражения своих мыслей (или скрывая их отсутствие), пишущий поддерживает заданный «порядок» превращения Другого в симулякр чего-то, что не является человеком.

Управляемость зла

Кем создается такой порядок? Современная культура перестает быть литературоцентричной, но она не отказывается от текстов – изменились лишь средства письма и трансляции, но увеличилось количество пишущих – сегодня любую идею любой человек может донести до сколь угодно большого количества читателей/зрителей.

---

*<https://www.currenttime.tv/a/skabeeva-pokhvalila-belorusskikh-silovikov/30781535.html>

«Овцы» – люди обыденного зла, делающие то, что им прикажут властные и сильные. Чтобы повести овец на заклятие преступлений, «волки» должны их идеологизировать, внушить, что их преступления «святы»: они защищают свободу, они мстят за поруганные ценности чести и достоинства и т.п. Зло «волков» должно приобрести качество «прозрачности», стать невидимым для «овец», иначе они могут восстать против принуждения. И те, кто способен сквозь «прозрачность» различать замыслы «зла», как правило отличаются неповиновением «прозрачному» злу. Именно неповиновение злу способствует самоосознанию подлинных интересов человека и выходу его за ограничительные рамки «прозрачного зла». Но для этого необходимо не реагировать на провокации зла ненавистью, гневом, деструктивностью и страхом. Считающие себя овцами бездумно исполняют приказы других, даже если от этого страдают сами. Их отличительной особенностью является страх перед насилием. Угрозы и заискивания «насильников» являются достаточным инструментом для «овец», чтобы примкнуть к «молчаливому большинству», исповедующему ценность долготерпения. Зло воспринимается как норма обыденности, оно проникает в их сознание и становится привычным «средовым» явлением. Сами «овцы» становятся носителями обыденного зла. Именно на этом основании Э. Фромм заключает: «Великие инквизиторы и диктаторы основывали свои системы власти как раз на предпосылке, что люди являются овцами» [16, с. 54]. Но кто убил миллионы людей, не только политических противников, а просто людей – только за то, что мешали? Э. Фромм отвечает: «Не Гитлер, не Сталин». Кто же тогда?

Симбиоз «обыденного» и «прозрачного» зол дает гремучую основу распада, разрухи, войны по велению ненависти и ресентимента. Необычайной демонстративной интенсивностью обладают триггерные дискуссии в социальных сетях (в частности, в русскоязычном Фейсбуке), где представлены оба типа носителей зла, столкновение между которыми фонтанирует социальной агрессией.

Приведем пример: 15 января 2021 г. в группе «Антикапитализм»* размещена цитата журналиста Константина Семина: «Нам говорят – не стоит воевать с мельницами. Мы не воюем с мельницами. Не видим в них великанов или драконов. Мы воюем с мельниками. С маленькими, сытыми, самодовольными мельниками, превратившими мельницы в прожорливых чудовищ. Нам говорят – о вкусах не спорят. Ложь! За вкусы сражаются, из-за них идут в атаку, на баррикады и эшафоты. В осажденной Москве не показывают Рифеншталь. В мюнхенских пивных не декламируют Брехта. Классовая борьба – это, в конце концов, борьба эстетическая. Борьба между реакцией и революцией. Между упадком и прогрессом. Между неравенством и равенством. Между эксплуатацией и свободой. И всякая культурная ценность не абсолютна, но относительна, зависима от материального, исторического контек-

---

*«Антикапитализм» <https://www.facebook.com/groups/360474707832959>

ста...». Публикация получила 143 оценки и 44 комментария. Также прилагается открытка-текст с намеком на скорую революции; автор публикации – очевидно, не «овца». Какой статус у человека, который сделал «репост» этого текста – ведущий или ведомый? Скорее, тоже ведущий, он осознанно размножает текст (в данном случае неоднозначно – имеет ли текст конструктивный или деструктивный характер, важна произвольность и осознанность). А затем люди включаются в дискуссию, где от темы революции быстро переходят к обсуждению масочного режима. И далее: «Алексей: Когда большевики пришли в восточный Казахстан, то уничтожили водяные мельницы и мельников в нашем урочище, оставили только бедняков и батраков, половина из которых зимой умерла с голоду... Вторая половина весной ушла в город. Вот так работающая экономика превратилась в руины. Нужно не разрушать, а создавать. Не убивать мельников, а сделать так, чтобы мельницы были доступны и были у каждого, кому они нужны.

Виктор: Алексей, что, дедушку-кулака шлёпнули?

Филипп, модератор: Алексей, простите, вы что в данной группе забыли? Там же в названии сказано «Антикулак-мельник антимироед». А за клевету на большевиков, советую обратиться самому.

Вадим: Алексей, болобол, ты был среди мельников и нищеты, а случайно не умер? Большевики ни когда не уничтожали средства производства, за исключением несчастных случаев, а переводили их в другое пользование. Если ваши мозги «на бекрень» от повылазивших черносотенных авторов с воспоминаниями и очевидцев, то изощряйтесь на курах в своём курятнике» и т.д.

С появлением социальных сетей возникли опасения, что через коммуникацию в них люди могут сплотиться в оппозиционные политические партии, включиться в террористическую деятельность, подвергнуться любому другому негативному воздействию. Важно отметить, что государственные структуры (и Церковь) в последнюю очередь стали задействовать этот ресурс, и в основном как информационный. Идеология государства в целом проста и понятна, но в сетевых дискуссиях идеологизируются абсолютно все сферы жизни общества – медицина, деторождение, национальность, образование, замужество, успешность, бедность и т.п. Социально-политическая проблема, вызванная сетевой революцией на рубеже XX и XXI веков, заключается в том, что ни в рамках государственной идеологии, ни в рамках идеологии меж- и над-государственного консенсуса не удастся «сшивать» гетерогенные идеологические новообразования. Сетевая революция все больше становится вызовом «большим» идеологиям, поскольку создает идеальные условия для фрагментации семиосферы и консолидации внутри неё альтернативных социальных групп. Следствием этого является резкое и бесконтрольное нарастание дезинтеграционных процессов, что ставит вопрос о символической безопасности общества. Ответственность современных «волков» не в том, что они

ведут и настраивают «овец» против чего-либо или кого-либо, а в сотворении такой картины мира, где овцы уже не стараются держаться друг к другу поближе, а превращаются в озлобленных одиночек, готовых нападать друг на друга без повода, без логики и аргументов, создавая в их сознании иллюзию активности.

Список литературы

1. Арендт, Х.А. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме (Холокост). / Х.А. Арендт. – М.: Европа, 2008. – 424 с.
2. Бакшутова, Е.В. Сетевые войны, полилог и скриптоконвенция в общественно деструктивных онлайн-группах / Е.В. Бакшутова // Вестник СамГТУ. Серия «Психолого-педагогические науки». – 2019. – № 3 (43). – С. 6–18. – DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2019.3.1
3. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М., 2003. – 672 с.
5. Верещагин, Е.М. Речевые тактики / Е.М. Верещагин, Р. Роймар, Т. Ройтер // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 82–93.
6. Громов, А. Обыденность зла / А. Громов [Электронный ресурс]. – URL: <https://republic.ru/posts/1/1015808>
7. Жельвис, В.И. Инвектива в парадигме средств фатического общения / В.И. Жельвис // Жанры речи. – Саратов: Гос УНЦ «Колледж», 1997. – С. 137–144.
8. Заки, Д. На стороне добра. Сила эмпатии в разрозненном мире»: Манн, Иванов и Фербер / Д. Заки. – Москва, 2020. – 128 с.
9. Егорова, Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) / Э.Н. Егорова // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: https://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Egorova_full.shtml.
10. Кусов, Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Г.В. Кусов. – Волгоград, 2004. – 27 с.
11. Московская, А.С. Понятие «банальность зла» в этике Ханны Арендт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. 09.00.05 / А.С. Московская. – М., 2015. – 24 с.
12. Назаретян, А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? / А.П. Назаретян // Историческая психология и социология истории. – 2009. – № 2. – С. 150–170.
13. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах / Сост. В.Н. Назаров, Г.П. Сидоров. – М.: Политиздат, 1989. – 605 с.
14. Сапольски, Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / Р. Сапольски. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 766 с.
15. Стексова, Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности / Т.И. Стексова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 77–81.
16. Фромм, Э. Духовная сущность человека. Способность к добру и злу. Человек и его ценности / Э. Фромм // Философские понимание человека: сборник тези-

- сов современных философов. XVIII Всемирный философский конгресс. – М., 1988. – С. 56–62.
17. Шипунова, Т.В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности / Т.В. Шипунова // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С. 67–75.
  18. Espelage D.L., Wasserman S., Fleisher M. *Social networks and violent behavior*. In D. J. Flannery, A. T. Vazsonyi, & I. D. Waldman (Eds.), *The Cambridge handbook of violent behavior and aggression*. Cambridge University Press, 2007. Pp. 450–464. DOI: 10.1017/CBO9780511816840.023. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/2007-14726-022>
  19. Keles B., Niall McCrae N., Grealish A. A systematic review: the influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents // *International Journal of Adolescence and Youth*, 25:1. Pp. 79–93. DOI: 10.1080/02673843.2019.1590851. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02673843.2019.1590851?src=recsys>
  20. Laub Z. Hate Speech on Social Media: Global Comparisons // Council on Foreign Relations, June 7, 2019. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/hate-speech-social-media-global-comparisons/>
  21. Martínez-Ferrer B., Moreno D., and Musitu G. Are Adolescents Engaged in the Problematic Use of Social Networking Sites More Involved in Peer Aggression and Victimization? // *Front Psychol.* Published online 2018 May 29. 801 doi: 10.3389/fpsyg.2018.00801. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5987195/> Publisher: Cambridge University Press
  22. Mengü M., Mengü S. Violence and Social Media // *Athens Journal of Mass Media and Communications*. V. 1, Iss. 3. Pp. 211–228. Doi:10.30958/ajmmc.1-3-4. – URL: <https://doi.org/10.30958/ajmmc.1-3-4>
  23. Sellars A.F. Defining Hate Speech. The Berkman Klein Center for Internet & Society Research Publication Series. 33 p. – URL: <https://cyber.harvard.edu/publications/2016/DefiningHateSpeech>

«BANALITY AND TRANSPARENCY OF EVIL» OF VIRTUAL COMMUNICATIONS

E.V. Bakshutova*

Samara State Technical University, Samara, Russia

E-mail: bakshutka@gmail.com

Abstract. *The author introduces the discussion of the problems of discussions on social networks (Russian-speaking sector of Facebook): speech violence and aggression – into a philosophical and ethical context.*

For this, such concepts are used as «the banality of evil» (nondiscrimination of other people behind its routine and feedback from them); «Transparency of evil» (transformation of the Other into a simulacrum, the absent Other); «Wolves» and «sheep» (actors of one and another kind of evil). We assert that common evil is characteristic of

---

* *BAKSHUTOVA Yekaterina Valeryevna* – Associate Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Samara State Technical University.

«sheep», and transparent evil for «wolves». «Wolves» create evil consciously and deliberately, instilling in «sheep» the idea that evil is not evil at all. Participants in online discussions, initiators and commentators, are also divided into these groups: some of them start discussions by launching aggressive messages, while others do not so much discuss the proposed topic as react aggressively to them.

The danger of the generated evil is in pitting people against each other, in the initiation of mutual hatred and general alienation.

Keywords: *banality of evil, transparency of evil, speech violence, speech aggression, network discussions.*

Acknowledgments: *The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 18-013-00171 A. The author is grateful for the advice and assistance in the preparation of the material by reviewers and editorial staff of the journal «Vestnik SamSTU. Philosophy».*